

АКСИОЛОГИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

А.А. Полякова

Кафедра иностранных языков
Сочинский филиал Российского университета дружбы народов
ул. Куйбышева, 32, 354341, Сочи, Россия

Статья посвящена проблемам обучения студентов русскому языку с опорой на ценности российской культуры, с построением учебного процесса, опирающегося на получение знаний, приобретение компетенции, обращенных к аксиологическим приоритетам российской культуры – *дом/семья, душа/духовное, жизнь, патриотизм* и др.

Скорее всего, в XXI в. для России и народов русского мира важными, если не первостепенными, по-прежнему будут оставаться вопросы научно-технического, экономического и социального развития. Однако очевидно, что энергию для любого вида человеческой деятельности возможно почерпнуть только в духовной сфере.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл

Проблема духовно-нравственного развития личности приобретает в последние годы особую актуальность, поскольку изменения всех сторон российской действительности с начала 90-х годов XX столетия вплоть до нынешних дней наиболее болезненно отразились на духовно-нравственной сфере. Трансформация ценностей: общественных идеалов, предметно-воплощенных, личностных ценностей – достигла той критической отметки, когда настала необходимость осмысления и практического применения в отечественной системе образования, прежде всего духовно-нравственного опыта поколений. Одним из направлений успешного осуществления образовательной политики в таких условиях должно стать, на наш взгляд, обращение к ценностям российской культуры.

При организации учебно-воспитательного процесса в языковом вузе следует исходить из того, что народы стремятся сегодня к взаимосближению (вспомним, что тенденция к социокультурному обособлению проявлялась в распаде СССР, Югославии, Чехословакии; она дает о себе знать в таких странах, как Турция (курдская проблема), Франция (проблема Корсики и Бретони), Англия (проблема Северной Ирландии), США (этнические волнения в Южной Калифорнии), Испания (проблема басков). Идеи ненасилия, терпимого, толерантного отношения к представителям других культур должны пронизывать весь процесс обучения, прививая как российским, так и иностранным студентам взаимное уважение, готовность жить в мире, активно сотрудничать на благо своих

народов. В этой связи особая роль принадлежит дисциплинам так называемого общественно-гуманитарного цикла. Ознакомление иностранных студентов с лучшими образцами культуры народов России, приобщение к ценностям российской культуры должно осуществляться на занятиях по русскому языку.

Обучение иностранных студентов русскому языку с опорой на ценности российской культуры должно идти в направлении получения знаний по аксиологическим приоритетам российской культуры: «дом/семья», «душа/духовное», «жизнь», «дружба», «любовь», «патриотизм», «красота». С незапамятных времен у русского человека *дом* осмысливался как «мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим» (Т.В. Цивьян). Жилище было носителем признака «внутренний»: оно оберегало человека от опасностей, которые ожидали его вне дома, создавало атмосферу некоторой организованности, противостоящей хаосу. «*Мой дом – моя крепость. Дома и солома съедома*», – гласит народная мудрость. В фольклорных текстах малых жанров мы находим также сравнение дома с матерью: *Своя хатка – родная матка*, с материнским «теплым» началом, символом которого в избе является печь: *Печь нам мать родная; Мать толста, дочь красна, сын храбер (кудреват), в поднебесье ушел* (печь, огонь и дым) (загадка). «Человеку, – пишет В.Г. Шукин, – нужен был дом, соединяющий землю и небо. Он крепко стоит на земле и является для его жителя центром посюстороннего, горизонтального мира» [8, с. 135]. Дом возвышается над землей, стремится к небу: он выпускает человека вовне и в этом смысле связан с внешним миром и с небом. Жилище, призванное спасать и защищать человека под своим кровом, пронизано сакральной устремленностью и соотнесенностью. Это особый вид «своего сакрального пространства», начало и конец многих древних образов и празднеств. «Сакрализация жилого пространства, – далее отмечает В.Г. Шукин, – непосредственно вытекала из романтической идеи универсального синтеза, всеединства различных духовных и материальных начал...» [8, с. 141]. Выбору места для строительства дома уделялось очень большое внимание. «Дома не строили там, где раньше проходила дорога или стояла баня, так как эти места считались нечистыми», – говорит В.В. Шуклин [7, с.213]. Как указывалось в одном из народных лечебников, для того чтобы построить избу, сначала необходимо было испечь три маленьких хлеба, затем два положить за пазуху, с обеих сторон, а третий – на сердце, после чего на предполагаемом месте закладки дома бросить на землю. Если при этом все три упадут коркой кверху, то место выбрано хорошее. Для того, чтобы обезопасить себя от вредоносных сил, якобы способных помешать счастливому жилью в новом доме, хозяева надевали на колья ограды во дворе битые горшки, навешивали в курятнике или во дворе «куриного бога» – камень с отверстием, который, согласно поверьям наших предков, должен был оберегать кур и лошадей от чужого *Дворовика*. Практически всякое начинание предполагало обращение, пусть даже самое краткое, к божеству или к мифическому персонажу, присловие или ритуальное действие [7]. Особое место в доме занимал порог, так как под ним в давние времена хоронили после кремации прах умерших родственников. Позднее порог стал считаться местом обитания родовых духов, началом и концом семейно-бытовых обрядов. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля слово «дом» имеет следующие значения: «строение для жизни», «изба со всеми ухажими и хозяйством», «семейство, хозяева с домочадцами». Однако уже у В. Даля и в

других позднейших толковых словарях у лексемы *дом* отсутствует значение «домашний, семейный очаг». Дом в значении «семья» в русском языковом сознании со временем означает не духовное пространство «родного угла», а группу людей, связанных кровными узами. Славянофильская концепция *дома* как одного из священных устоев национальной жизни во многом вобрала в себя архаические мифопоэтические представления русского народа. Такая концепция складывалась в «ходе умственного движения» 30-х годов XIX века. В это время в образованных кругах российского общества «набирал силу спор о ценностном превосходстве патриархальности над цивилизованностью или, наоборот, цивилизации над «первобытной непосредственностью», в зависимости от симпатии споривших сторон [8]. Тогда не существовало еще таких теоретически оформленных мировоззрений, как западничество и славянофильство. Описание патриархального жилища можно было найти у Пушкина («Дубровский», «Капитанская дочка»), Гоголя («Старосветские помещики»), позднее у Даля («Вакх Сидоров Чайкин», «Павел Алексеевич Игривый», «Отец с сыном»), Григоровича, Тургенева, а также у многих других писателей, изображавших жизнь провинциальных помещиков, купцов, крестьян. Цивилизованный тип жилища (особняк, дача, «английская усадьба») в русской литературе появляется у Карамзина в «Письмах русского путешественника». В 40-е годы возрастает интерес к бытовому удобству: на страницах петербургских журналов и альманахов появляются очерки о жизни столичных немцев, о роскошных дачах А.А.Башуцкого в пригородах Петербурга. Противостояние двух образов *дома* к концу 40-х годов XIX столетия и появление законченных культурных концепций – западной и славянофильской – позволило Гончарову сначала в его «Обыкновенной истории», а затем и в «Обломове» запечатлеть очень емкие образы жилищ, олицетворяющих два противоположных уклада русской жизни – «почвенный» (Грач, Обломовка) и «европейский» (дома Петра Адуева или Штольца). Если Достоевский чувствовал мощные пласты народного мифопоэтического сознания, связанные с понятием домашнего крова, то славянофилы были русскими теоретиками дома. Им удалось осмыслить архаическую модель жилища в ее целостности, а также придать ей определенную аксиологическую и идеологическую направленность. Дом Вареньки Добросёловой, изображенный Достоевским, мог напомнить К. Аксакову оренбургские усадьбы – Ново-Аксаково и Надежино, в которых прошло его детство. В «Семейной хронике» без труда можно найти в описаниях багровских имений следующие элементы жилища: общий труд и совместные досуги в людской и девичьей, страшные сказки и рассказы, таинственные комнаты, в которых якобы являются духи усопших предков. Также имеет место и возрастная иерархия. В славянофильской концепции классической поры дом означал прежде всего семью, круг людей, считающих себя родными не только по крови, но и по духу, обычаю. По А. Хомякову, «дом есть единица и в смысле нравственного союза семейства, и в смысле общественного устройства» [6, с. 342].

Душа/духовное. В иерархии духовных общечеловеческих начал религиозное начало всегда занимало главное место, оказывая существенное влияние на образ жизни целых народов. Если у древнего римлянина всякий успех в новой области духовной жизни и творчества выражался в ее «латинизации», у некоторых германских народов действие этой идеи ограничивается одной лишь «морализацией», нравственной дисциплиной внутреннего мира носителя данной

идеи или удовлетворением некоторых метафизических потребностей ума, то испанец убежден в том, что его спасает одна вера, а православный русский человек твердо знает, что «вера без дел мертва есть». Различиями в вероисповедании и роли религии во многом определяется духовный уклад жизни того или иного этноса. На Руси издревле смысл человеческого существования усматривался не в стремлении к собственному материальному благополучию, хотя таковое не отвергалось, а в душевном спасении, в приоритете духовных ценностей, «даров духа». П.Е. Астафьев писал: «Душа выше и дороже всего: её спасение, полнота, цельность и глубина ее внутреннего мира, а всё прочее само приложится, несущественно, – таков девиз «святой Руси», предносящийся ей в отличительно-русском, как признает и г. Соловьев, идеале «святости» [1, с. 94]. Необходимо подчеркнуть, что элемент аскезы, отречение от мира, презрение к фальшивому блеску «преходящих соблазнов» богатства и власти присущ представителям многих культур, но в российской он ценился всегда высоко. Царствие Божие не на земле, а в духе. Не созидание церкви, как осуществление какой-то только еще преподносящейся задачи, но «исполнение» Церкви, задачи окончательно решенной Искупителем Богом для нас – таков смиренный идеал Православия и православного народного духа. Отмечая историческую роль Православия на Руси, Н.В. Карлов в статье «Честь имеют, или О русском национальном самосознании» пишет: «В 1448 г. русская православная церковь провозгласила свою автокефалию – т.е. статус самоглавенствующей поместной православной церкви, независимой от других церквей, в том числе и от вселенского патриарха в Константинополе. Так Василий I заложил основы, которые развил Иван III. ... Православие составило сущность русской народности. Именно поэтому в России не было случаев массового, коллективного, регионального или территориального перехода в ислам, несмотря на многовековое соседство и трехвековое Ордынское иго. Это качественно отличает северо-восточное славянство от юго-западного, и именно это чувство национальной гордости и исповедальной чистоты и прочности убеждений создало и сохранило Русь, ту Русь, которая в это время, время формирования национального самосознания во всей толще народа, стала Святой Русью» [3, с. 12]. Говоря о *душе/духовном* как одной из «вечных ценностей» российской культуры, следует обратить внимание на тот факт российской истории, что в религиозном мировосприятии русского человека в течение длительного времени уживались и уживаются две линии: языческая и христианская. Наиболее ярко это причудливое переплетение элементов двух культур – славянского язычества и русского православия – находит отражение в произведениях устно-поэтического творчества русского народа, например в христианских легендах («Христос и апостолы» и т.д.), в народных приметах, пословицах, поговорках: *Жить – Богу служить. Велико имя Господне на земли. Человек гадает, а Бог совершает. Жив Бог – жива Душа моя!* Дальнейшее своё воплощение тесная связь языческих и христианских мотивов находит у Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки»), у Н.С. Лескова («Запечатленный ангел») и др. Как пишет Е.И. Кедайтене, «Христианская религия несла нравственность в общество. Христианское понимание нравственности заключалось в способности отделить добро от зла. Признанной является идея о том, что благодаря принятию восточными славянами христианства, стал возможен интеллектуальный и нравственный прогресс, развитие духовной жизни на Руси» [4, с. 20]. Нравственные идеалы христианства широко отражены в лексике древнейших

славянских памятников, например, в таких словах, как «покаяние», «смирение», «кротость», «великодушие», «доброта», «благотворительность» и др. Лингвокультурная ситуация: культурно-религиозный, идеологический, социальный факторы, этноязыковое видение мира – оказывала влияние на изменение семантики указанной лексики. Семантическое изменение стало наиболее очевидным в послеоктябрьский период, о чем свидетельствует сопоставительный анализ памятников письменности старославянского, древнерусского, старорусского языков и современного русского языка. Многие слова данной группы обогатили русский язык народными выражениями, например, слово «смирение»: *Смирение паче Гордости, Смирение и кротость побеждают строптивость, Смирение – Богу угождение, уму просвещение, душе спасение, дому благословенье и людям утешенье, Смирение – девичье / или молодцу / ожерелье, конь (вол) налогом берёт, человек смиренъем.* Новую жизнь сегодня начинают такие слова, как «благотворительность», «благотворительный». Их исконный смысл означает *делающий добро, творящий благо кому-либо, не беря ничего взамен.* В современном мире эти слова приобрели иное значение: *благотворительный* – ставящий своей целью оказание материальной и другой помощи нуждающимся, *благотворительность* – оказание помощи нуждающимся, филантропия.

Педагогический потенциал ценностей российской культуры необычайно широк и включает сущностные особенности и целый ряд педагогических функций, обеспечивающих развитие личности иностранного студента в образовательном процессе вуза. В качестве сущностных особенностей ценностей российской культуры, реализующихся в педагогическом потенциале, следует выделить: взаимосвязь с национальной культурой; взаимосвязь с ценностями культур народов мира; креативную (или творческую) направленность; самобытность; полифункциональность. Каждая из таких особенностей имеет свою специфику реализации в педагогическом процессе, предъявляя к нему определенные требования. Например, актуализация креативной (или творческой) направленности ценностей российской культуры в целостном педагогическом процессе призвана обеспечить развитие творческих способностей студентов. Самобытность, в свою очередь, предполагает включение в содержание образования элементов ценностей российской культуры, которые носят специфический, например региональный, характер. Реализация такой сущностной особенности ценностей российской культуры, как полифункциональность предусматривает использование принципов дифференциации, интеграции гуманитарного знания. Ценности российской культуры выполняют в образовательно-воспитательном процессе ряд педагогических функций: познавательную (или гносеологическую), этноидентифицирующую, нравственно-регулирующую, языково-коммуникативную, интегративную, – актуализирующихся как относительно самостоятельные учебные элементы, представленные в виде специальных включений в содержание обучения.

При обучении русскому языку с опорой на ценности российской культуры необходимо сформировать у иностранных студентов понимание того, что духовность – это стремление русского человека к сфере абсолютно вечного; открытость – это способность российской культуры и образования «открываться» внешним влияниям, впитывать зарубежные ценности, духовно обогащаться», «сохраняя свою неповторимость»; традиционность – «опора на свою народную

культуру, педагогику эмпирически сложившегося образования человека» [2, с. 100–101]. Процесс аксиологизации обучения русскому языку иностранных студентов выступает здесь в качестве духовно-нравственной основы развития личности студента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астафьев П.Е.* Национальность и общечеловеческие задачи (к русской национальной психологии) // Вопросы философии. 1996. № 2.
2. *Белозерцев Е.П.* Образ и смысл русской школы: Очерки прикладной философии образования. – Волгоград, 2000.
3. *Карлов Н.В.* Честь имеют, или о Русском национальном самосознании // Вопросы философии. 1997. № 4.
4. *Кедайтене Е.И.* Лексика, выражающая нравственные понятия, её история // Степановские чтения. Проблемы межкультурной языковой коммуникации: Тез. докл. и сообщ. междунар. конф. – М., 1998.
5. *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.* Права человека и нравственная ответственность: X Всемирный русский народный собор. // Педагогика. 2006. № 6.
6. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. Т. III. – М., 1956.
7. *Шуклин В.В.* Мифы русского народа: Учебное пособие – Екатеринбург, 1995.
8. *Щукин В.Г.* Дом и кров в славянофильской концепции // Вопросы философии. 1996. №1.

AXIOLOGISATION IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING FOR FOREIGN STUDENTS: TO A PROBLEM OF SPIRITUALLY-MORAL DEVELOPMENT OF THE PERSON

A.A. Poliakova

Department of Foreign Languages
Sochi Branch of People's Friendship University of Russia
Kuibisheva Str., 32, 354341, Sochi, Russia

The article is devoted to Russian language teaching for foreign students by means spiritually-moral basis of development of student's personality. Valuable categories: "home", "spirit/spiritual" are considered as object-incarnated values with interdisciplined positions